

Приветствую вас, уважаемые потомки! Вы, наверное, уже Сахару озеленили? Смеюсь. Знаю: нет. Откуда во мне эта уверенность? – я расскажу.

Пару месяцев назад я гулял по ночному Кракову. От костёла на Скалке, мимо реконструируемых Королевских огородов Боны Сфорца¹, к тихой Рудае, превращающейся, увы, в сточную канаву. Хотел дойти до кургана Костюшко², но, знаете, старость внесла коррективы в желания. Далёкий хейнал – горн трубача, поясню вам, если этот обычай забылся, – застал меня на Дембницком мосту. Рыбаки чалили лодки, доставали свежий улов. К ним тут же устремлялись пышнотелые дамы – видимо, наступающий шаббат всем внезапно захотелось встретить с гефилте фиш. Кстати, какой вы предпочитаете? Со сладким фаршем, по-галицийски, или с обильно перчёным, как готовят литваки? Вот я люблю и тот и этот – зависит от настроения и от того, сколько было выпито накануне: зубровочки ли, кофе ли.

Да, о чём я?.. Так вот, глядел я на Вислу, на лодочников, на крестьянок, несущих в город зелень, на телегу старьёвщика и, как уже говорил, услышал гимн утру. Поднял глаза, и в тот миг солнце отбросило причудливую тень на замок. Как будто тень от пожара, от горящего города. Даже показалось на мгновение, что то ожил цмок, наш дракон.

¹ *Королевские огороды (Ogrody Królewskie)* – цветник, разбитый Боной Сфорца, «королём» (по закону престол мог занимать только мужчина, поэтому королевы в случае принятия реальной власти именовались в мужском роде) Польши в 1531–1556 гг.

² Курган Тадеуша Костюшко насыпан в 1920-х гг.

Невольно стал вспоминать, сколько раз полыхал мой город. Даром что построен из камня, но выгорало порой и по три-четыре костёла с прилегающими улицами, а в правление Зигмунта Старого¹, супруга нашего действительного короля Боны Сфорца д'Арагона, горел и Вавель². Но, несомненно, самый страшный пожар принесли татары весной одна тысяча двести сорок первого года. Пожалуй, ныне нам должно давать некоторое утешение то, что новейшие средства массового убийства – газы – сэберегут наше культурное достояние.

Но татары... Они побывали всюду, как сейчас везде – нефть и молитвы об отвращении войны³. Даже это внезапное окончание хейнала приписали татарской стреле, пронзившей горло горниста (хотя, должен заметить, эту быличку на ходу придумала пани Анеля Прушинская⁴ всего несколько лет тому назад). Но больше озадачивает: а не принесли ли нам легенду о цмоке на острие татарского копья? Как корреспондировал Борис Борисович С., мой добрый друг из России, он часто слышал аналогичные сказки в татарском Поволжье: начиная от казанского Зиланта, похожего на иранского Симурга⁵ (хотя и не в суфийском смысле⁶), затем – в устьях каких-то рек (Б.Б. называл Зай, Шешму, Мензелю) и дальше, вверх по Каме и Белой. Все они звучат одинаково: «В горе, в устье такой-то реки, завёлся аждаха. Люди собрались, обложили пещеру хворостом и подожгли. Дракон с рёвом вырвался из неё и улетел на восток (судя по всему, к следующему устью)».

Размышляя об этом, я не заметил, как дошёл до Плантов⁷ и присел на скамейку у базилики Святой Троицы. Он появился, как всегда, неожиданно. Секунду назад, уверен, никого рядом со мной не было, и вдруг... Я атеист, но когда он приходит на встречу, мне всегда не по себе.

– А что, по-вашему, быть татаринoм? – спросил он. В потёртом лапсердаке, без шляпы – солнце, просвечивая сквозь листья каштанов, придавало его лицу *зеленоватый оттенок*. – Не торопитесь отвечать: бёдра бредущего ещё не в доме Величия. А масло чёрного тмина излечит от всего. Абсолютно.

Я лихорадочно рассуждал, негодуя на эти вечные загадки – неизменные спутники моего визави. Дом Величия, учитывая его еврейский костюм сегодня, скорее всего – сфира Ход⁸. Кого он имеет в виду под путником? Адама Кадмона, раз речь о бёдрах? И почему в таком случае чёрный тмин, столь популярный в мусульманской медицине?

Тем временем он протянул мне письмо. Не из России ли, первым делом подумал я: почта оттуда ходит с перебоями, и от моего приятеля

¹ *Зигмунт Старый* – Сигизмунд Ягеллон, король Польши в 1506–1548 гг.

² *Вавель* – замок Кракова, под которым, по легенде, жил дракон.

³ *Они побывали всюду, как сейчас везде – нефть и молитвы об отвращении войны* – отсылка к рекламе «Салаватнефтеоргсинтеза», где «салават» – «молитвы» (араб.).

⁴ *Анеля Прушинская (Aniela Pruszyńska)* – подруга Эрика Келли, американского детского писателя, преподавателя Ягеллонского университета (Краков).

⁵ *Симург (тат. Семруг, баи. Самрау)* – божественная птица, охраняющая Древо, покровительница рода Сама-Заля-Рустама, героев «Шах-наме»; обладает чертами Феникса.

⁶ *...хотя и не в суфийском смысле* – здесь профессор намекает на «Диван птиц» суфийского поэта Атгара (1119 или 1145 г. р.).

⁷ *Планты* – парк в Кракове.

⁸ *Ход* – восьмая эманация на Древе Жизни, одна из лежащих в основе сущего.

давно нет вестей, хотя он планировал приехать с невестой. «Но нет, – была вторая мысль, – ОН обычных писем не приносит». Потом я разглядел тяжёлую сургучную печать с не предвещающей ничего хорошего анаграммой.

– От них? – спросил я.

Конечно, ответа можно было не ждать:

– Вы подумайте, знахарь. И услышите песню, которая – потом – наведёт на верную дорогу.

Человек встал и, напевая что-то вроде «залэр-дурен-хонгор-ур»¹, скрылся в дверях костёла.

(Право слово, мне хотелось выругаться, помянув и матку босху... вшистка едно (это публиковать не нужно; по крайней мере, до моей кончины). Но я предпочёл заглянуть в кафе к Новорольскому (помните фрашку² Яна Штудингера об этой благочестивой даме³?), пропустить стаканчик дептухи⁴. Само собой, для подобной цели в столь ранний час более годилась бы Яма Михалика на Флорианской⁵, но в последние годы она превратилась в совсем злачное место: какие-то индийские палатки, молодые люди, невесть чем занимающиеся в них... В общем, позавтракать там не удалось бы – если только черниной⁶ из требухи. А вот в «Новороле» отменно готовят – по заветам пани Вероники! С удовольствием закусил хлодником на телячьем бульоне со свекольным квасом и раками, татарским бифштеком (тьфу, и тут они!) с колдунами⁷ на луковом соке, начинёнными творогом, а к чаю взял мазурека⁸. Обязался прийти отобедать: шеф-повар обещал потушить хрюшатицу в пиве и приготовить квасницу по-подгальски.)

Я взял письмо, отправился домой и со всей тщательностью изучил его. Оно было написано на сложенном втрое листе великолепно отбеленной плотной бумаги. Почерк я узнал сразу: убористый, довольно небрежный, но без помарок. По начертанию букв и запаху чернил чувствовалось, что писалось оно не перьевой, а какой-то другой ручкой. А главное – изобиловало словами (не считая написанных по-польски с ошибками), о смысле которых мне приходилось лишь догадываться, как то: Kot Schrödingera, transhumanizm, Wielki Wybuch, horyzont zdarzeń, teoria strun, multiwszechświat, а ещё Zimna wojna, wzajemne zagwarantowane zniszczenie, Часы Судного дня и прочая, и прочая. Всё это легко могло довести до головной боли, если бы не сытный перекус.

Когда-то первое подобное послание я счёл чьей-то неуместной шуткой. При втором задумался: рискованно шутить, ставя на сургуч печать с буквами J.I. После третьего убедился: как бы невероятно оно ни звучало, описанное может оказаться правдой.

¹ «залэр-дурен-хонгор-ур» – «в поле, полном лошадей, дорогой ребёнок» (монг.); из песни о геноциде цинским правительством джунгар в 1757 г.

² Фрашка – «пустяк», шуточная эпиграмма, стихотворный жанр польской литературы, сложившийся под влиянием королевы Боны Сфорца.

³ Ян Штаудингер писал об этой благочестивой даме... – Штаудингер (1904–1970) – польский поэт; «дама»: kawiarnia (кафе) – слово женского рода.

⁴ Дептуха – фруктовая наливка на козьем молоке.

⁵ Флорианская – в наше время одна из самых дорогих улиц Польши.

⁶ Чернина – чёрная поливка, суп на свиной или птичьей крови из субпродуктов (птичьих потрохов, обрезков и костей) с натертой в него булкой; широко распространённое европейское блюдо.

⁷ Колдуны – пельмени.

⁸ Мазурек – торт.

(Не для печати. Дело в том, что мой таинственный доброжелатель предупредил: когда вскрыется адюльтер моей дражайшей Беаты, следует держать себя в руках, иначе могу попасть в пренеприятнейшую историю, к примеру – потерять память. Признаться, я не верил до последнего, пока супруга не заявила, что уходит к тому прохвосту и намерена забрать с собой Марысю. Благо сделанные приготовления спасли мою честь.)

Так завязалась наша странная переписка: я пишу статьи, публикую их в заметных журналах, а если редакторы отклоняют по политическим или иным мотивам – отправляю в Лондон до востребования. А мой друг из иного будущего каким-то непостижимым способом перешлет мне письма через эту странную организацию, о которой ходят всевозможные... слухи.

И вы будете смеяться, но он оказался татарин! Откуда-то из России, кажется, из Сибири.

Порой в нашем общении происходят неожиданные казусы. Так, лет пять назад я получил восторженный отклик на мою книгу «Закат империй в зеркалах культуры» – книгу, которую и не планировал писать. Это побудило меня оставить хирургию тел и заняться хирургией душ. И знаете, я обрёл своё призвание!

Первое время мой друг опасался говорить что-либо о будущем. Он описывал лишь теории, известные очень узкому кругу людей, а за разъяснениями советовал обратиться то к некоему Вольфгангу Паули, то к самому Нильсу Бору. Однако, когда выяснилось, что некоторые лица мертвы, а другие – как пара русских поэтов – ещё живы, его самоограничение как отрезало: мы «оказались в “распараллеленных мирах”, где, подобно квантовому Чеширскому коту, свойства отделены от объекта».

Что сие означает? Боюсь, они, «потомки», и сами не знают. Единственное, мне удалось понять, что если время течёт как река – из будущего в прошлое, – то мы и они находимся в разных её рукавах, разделённых островом. Но факт того, что он читает мои статьи, говорит не только о том, что протоки где-то сходятся, но и о том, что время упруго, и в отдалённой перспективе не важно, выживет ли Польша в грядущей мировой войне.

Да-да, грядущей. Об этом я могу сообщить вам смело. Впрочем, вы и сами давно догадываетесь, что в 1918 году было заключено лишь перемирие – покуда не подрастёт новое пушечное мясо.

Вам, конечно, интересно, какое будущее у них? Скажу одно: оно ужасно. Анализируя письма неродившегося человека, я пришёл к выводу: рабство там приобрело такие утончённые формы, что стало неотличимо от свободы, а правда – от лжи.

Однако мы обязаны пытаться изменить то, что кажется неизбежным. Не только ради себя – в их истории мы уже без пяти минут мертвецы, – но и ради честного имени своего города. Разве у нас есть выбор, когда всего через несколько лет окрестности Кракова станут «полусом лютости XX века», где истребление людей будет организовано по всем правилам машинерии и индустрии?

«А для этого, видимо, предстоит взять уроки татарской жестокости. Нет, я не о пановнем сарматизме, когда высший класс возводил родословные к гордому степному народу, отделяя себя от славян. Я о татаризме, как он видится нам: хищном, беспощадном, хитром, зверином, таком, для которого каждый человек способен сжать волю в кулак, переступить свои слабости, свою жалость – и исполнить высший долг. Не мир принести, но меч.

А как иначе? Когда Польша осталась единственным островом разума, добропорядочности, настоящего католицизма, уважения к семье и традициям, окружённой со всех сторон хищниками с безумными идеологиями (и даже Англия нам не поможет – продаст так скоро, как то велит их вера в наживу), наш долг – объединиться вокруг нашего маршала, начальника государства Польского Юзефа Пилсудского и возродить Речь Посполитую от моря до моря. Так же, как татары и монголы когда-то объединились вокруг Чингис-хана и дошли до Последнего моря!» – так записал я спустя несколько дней размышлений.

Хм, а неплохая вышла заметка! Вполне годится для «Курьера Варшавского»¹!

О, наивный взгляд европейца на Азию! Нам ли охватить разумом шесть тысяч лет их истории, стиравшей не только города и цивилизации – саму память о народах и империях! Только я собрался отпраздновать удачно – на мой взгляд – найденный ответ (а поверьте, проигнорировать ЕГО вопрос страшнее, чем оказаться в руках политической дефензивы²) у пана Новорольского (помните хрюшатику в пиве? настоятельно рекомендую!), как почтальон (на этот раз обычный) принёс письмо.

Писала княгиня Марта Бибеску³. Замечательная женщина с интересным, если так можно выразиться, чувством юмора, светская львица, родившаяся с серебряной ложкой во рту, в меру аристократичная, в меру демократка... Очередной роман привёл её на родину, посетить которую она приглашала и меня, известного ей в качестве медиевиста. Откуда? Бог весть. Могу лишь предположить, что через Бориса Борисовича, в 1917 году лежавшего в госпитале в Кишинёве, где служила сестрой милосердия королева Мария Александра⁴. А может, не обошлось без влияния одной организации: наскоро наведя справки, я выяснил, что в Румынии (как, впрочем, по всей Восточной Европе) тихая смута: принц Кароль⁵, недовольный заграничной жизнью с Магдой Лупеску⁶, дочерью аптекаря-еврея, готовит переворот против матери и малолетнего сына Михая⁷, а «Легион Архангела Михаила» требует

¹ «Курьер Варшавский» (*Kurjer Warszawski*) – ежедневная газета, выходившая в Варшаве с 1821 по 1939 г. тиражом до 50 тысяч.

² *Политическая дефензива* – инспекторат политической обороны (*defensywy*) Главной команды Государственной полиции, орган политического сыска в межвоенной Польше.

³ *Марта Бибеску (Марта Лючия Лаховари), княжна Маврокордат (1886–1973)* – франко-румынский писатель и отчасти политик. В 2001 г. названа величайшей румынкой тысячелетия.

⁴ *Мария Александра Эдинбургская (1875–1938)* – последняя королева Румынии (1922–1930).

⁵ *Кароль II Гогенцоллерн-Зигмаринген (1893–1953)* – король Румынии в 1930–1940 гг. Правление характеризовалось расцветом коррупции и усилением фашистского движения («Легион Архангела Михаила» и «Железная гвардия»). В 1938 г. установил личную диктатуру с ориентацией на Англию. Либерализовал политику в отношении нацменьшинств, ужесточил антисемитскую политику. Свергнут Антонеску, умер в Португалии.

⁶ *Магда Лупеску (1899–1977)* – партнёрша Кароля II, оказывала значительное влияние на его политику, особенно в части манипуляции обществом; подруга Марты Бибеску. В 1947 г. официально вышла замуж за бывшего короля, став королевой Еленой.

⁷ *Михай (1921–2017)* – король Румынии в 1927–1930 и 1940–1947 гг. Т. н. «король-комсомолец», кавалер ордена «Победа» за переворот 23 августа 1944 г., выведший Румынию из гитлеровского блока.

очистить народ от греха железом и самопожертвованием. Но при чём тут я?

Отказаться от столь лестного и заманчивого приглашения я не мог и поездом через Словакию и Венгрию выехал в карпатское королевство. Вагон, замечу, был в высшей степени комфортабельным – княгиня позаботилась о моём уюте в дороге. Обед следующего после отправления дня застал меня где-то на просторах мадьярской Пушты¹, и в знак уважения к стране я заказал стаканчик биттера «Уникум» (для аппетита), халасле – любимый суп Иштвана Святого² из рыбы с паприкой и томатами, горячий лечо со свиными колбасками, а на десерт – варгабелеш (это такая творожная запеканка) и – о, боги! – блинчики по-гунделевски: тончайшие, как весенний воздух на берегах Тиссы, с пюре из грецких орехов и в шоколадной подливке с ромом.

Только ради этого стоило отправляться в путь!

Прибыв на Северный вокзал, я решил прогуляться по городу. Время позволяло. Специально приготовил блокнот и карандаш, чтобы записывать впечатления (как говорил один депутат, лучше положиться на плохой карандаш, чем на хорошую память). Расположился в отеле на шоссе Киселёва, где наскоро перекусил гуляшом, и нанял извозчика. Осмотрел Атенеум, послушал орган в кафедрале Святого Иосифа, хор в церкви ортодоксов, птиц в парке Чишмиджиу. Что сказать?.. Несколько опережая, скажу, что, посетив королевский курорт в Синае и погостив у княгини во дворце Могошоая – то ли византийском, то ли турецком, – я рассудил, что Румыния – страна эклектичная. Она до сих пор не может выбрать между Западом и Востоком, как и госпожа Бибеску не то порвала с православием, не то так и не стала католичкой. А Бухарест действительно можно назвать маленьким Парижем – в кольце окружной дороги, с речкой, отдалённо напоминающей Сену, с множеством зданий, подражающих французскому Ренессансу, – если бы он не был одновременно похож своей неухоженностью на маленькую Москву.

Вечером за мной прислали авто, которое с примечательной быстротою доставило меня в Могошоаю: князь Георгий³ увлекается гоночными машинами и самолётами. Я аккурат поспел к ужину, который не стану описывать по причине его «скромности». На нём присутствовал друг княгини аббат Мюнье, в своё время совративший её в римское вероисповедание. Разговор с обсуждения чудесных свойств карпатского воздуха перешёл к воздухоплаванию (на обратном пути из Индии верный товарищ Марты С.В.Т.⁴ обещал навестить её на колоссальном дирижабле, а заодно привезти с собой некоего талантливое философа по имени Мирче Элиаде⁵ – пани Бибеску имела на него планы), затем

¹ *Пушта* – венгерская степь.

² *Иштван Святой Арпад* – король Венгрии в 995–1038 гг., крестивший мадьяр.

³ *Георгий Валентин Бибеску (1880–1941)* – первый румынский авиатор.

⁴ *С.В.Т.* – Кристофер Бердвуд Томсон (1875–1930) – британский дипломат, социалист, госсекретарь по воздуху. Погиб 5 октября описываемого года при крушении дирижабля R101 (крупнейшего в мире на тот момент), положившего конец британской программе воздухоплавания. Верный любовник Марты Бибеску с 1915 г. до смерти.

⁵ *Мирча Элиаде (1907–1986)* – великий румынский религиовед, философ и исследователь мифов. В описываемый год изучал санскрит и йогу у Свами Шивананды.

на религию и, наконец, на дела насущные: пресытившись литературной славой, Марта Бибеску стала увлекаться политикой.

– Право же, политика начинается с постели, – заметила она. – С вопроса, как укрыться одеялом так, чтобы дорогой друг, замерзая, не перетянул всё одеяло на себя! Кроме того, и в большом мире она порядочно щекочет нервы! Политика – это настоящий спорт!

Как я её понимал! Спорт, где ставки... Знаете, как обычный благодушный вельможа с гладкой шерстью превращается в дикобраза, рычащего, смертельно опасного вепря, стоит только коснуться политической стороны его бытия? И начинается коррида!

Хозяйка замка с воодушевлением рассказывала о новых веяниях в румынском народе. Когда-то она написала поучительную книгу «Извор, земля ив», повествующую об этих диких и добродушных людях, исповедующих суеверия, надежду и смирение. Чего стоит одна лишь поговорка: «Целуй руку, которую не можешь укусить»! А сейчас народ решил показать зубы. Всё большую популярность набирали идеи лаконичного и тем загадочного Кодряну. Совсем недавно в Брашове полиция убила трёх студентов из его «эскадрона смерти»¹ – их опознали по запрещённым песням. С другой стороны, сочувствовать им тоже не приходится: сложно сопереживать людям, соратники которых расстреляли какого-то политика, изрубили тело на куски и вдобавок танцевали аркан² вокруг останков – посвящали неофитов в Легион.

– Однако есть что-то вдохновляющее в том, чтобы собственной смертью – почему они и зовутся эскадронами смерти – смыть грехи народа, искупить Румынию перед Богом, – заключила княгиня.

Я нашёл её мысли достойными внимания.

Аббат поморщился. Возразил:

– Зло не способно к творению, ибо не самосущностно. Оно способно только к извращению. Искупить страну смертью, уподобившись Христу, будет означать тотальное извращение Его жертвы. И окончательную победу зла в людях. Очевидно, что монархия из страха перед большевизмом готова на любые сделки, но понимает ли она, что будет принесена в жертву следующей?

И его мысли были достойны внимания. Они оба были правы, на мой взгляд. Любой выбор нёс свои опасности. И сейчас княгиня снова пыталась сделать выбор, к которому прислушается регентский совет, – не зря же Луи Барту³ назвал дворец Могошоая «второй Лигой наций».

– А вы что скажете, профессор? – обратилась она ко мне.

Я задумался. При других обстоятельствах я бы предпочёл мирное безбедное существование. Но мир уверенно катится под гору, как утомлённое нами солнце скрывается в водах океана, только бы отдохнуть от наших бесчинств.

¹ *Эскадрон смерти* – не путать с латиноамериканскими эскадронами смерти: если последние являются орудием ультраправого террора, то румынские эскадроны смерти исповедовали культ личной смерти.

² *Аркан* – гуцульский и западномолдавский мужской танец-инициация. Описано убийство Михая Стелеску (1907–1936), основателя конкурирующей ультраправой организации *Cruciada Românișmului*, в реальности произошедшее 16 июля 1936 г.

³ *Жан-Луи Барту (1862–1934)* – французский дипломат, инициатор системы коллективной безопасности. Убит в Марселе с Александром, королём Югославии, болгарскими националистами и хорватскими усташами при поддержке Муссолини.

– Прошу простить, – собравшись с мыслями, я прочистил горло. – Мне плохо известна ситуация в вашей стране, но между двух зол, вероятно, следует выбирать меньшее. Между Бонапартом и Робеспьером я бы выбрал Бонапарта. Последнему нужна была лишь покорность общества его воле, а Робеспьер – человек глубоко гражданский, к тому же сентиментальный. Мирных людей я опасаясь намного более, чем военной диктатуры: мне привелось быть свидетелем погромов, которые устраивали обыватели. Самые обычные люди. Как я. И к тому же... Хорошо, допустим, их цель достигнута: народ отмыли кровью. Что дальше?

Княгиня закурила.

– В детстве Баба Уца, моя няня, рассказывала много сказок. Об острове блаженных рахманов – я им долго отправляла послания, бросая в реку скорлупу пасхальных яиц. Верила, что они через три-четыре недели достигнут их берегов – тех, кто после конца света займут наше место на земле, – и тогда, может быть, они вспомнят обо мне. О Негру Водэ¹ и мастере Маноле²... Румыны – неприкаянный народ. У нас были обычные, человеческие витязи. Фэт-Фрумос совершал подвиги, спасал Иляну Косынзяну³, нашу Артемиду, чтобы после – жить сыто и долго. Простая мечта, простой идеал. Так что же стало с нашими юношами, если им теперь недостаточно просто жить, если нам теперь нужна смерть за великую идею?

На этом беседа окончательно повернула в сферу философии, и причину своего визита я узнал лишь на следующий день. Мы отправились в путь на «Серебряном призрак»⁴ – авто, чей мотор стрекочет не громче швейной машинки, хотя под капотом – табун в пятьдесят лошадей. Пролетели на скорости курьерского поезда Синаю, облюбованное дедом правящего короля⁵ местечко, напоминавшее ему Швабию. Забавно: аббат убедительно просил не останавливаться там – не искушать его грехом похода в казино⁶. Тогда я и подумал: «Может, тех юношей гонит на смерть голод? Ведь если рассудить, то единственное, что делает каждый человек – да что там, каждое живое существо! – ест. Или боится остаться голодным, боится, что кто-то отнимет пищу его». Я хотел было поделиться своей догадкой со спутниками, но тут автомобиль свернул к постоялому двору в Буштени: пани Бибеску рекомендовала отобедать именно тут.

Мы уже находились в теснинах Карпат, у ворот Трансильвании, страны стригоев⁷, упырей, ославленной Брэмом Стокером. Напротив шинка возвышался замок в непонятном, напоминающем что-то английское стиле. Я поинтересовался его историей.

¹ *Негру Водэ* («Чёрный воевода») – легендарный основатель Валахии. Ок. 1290 г. спустился с Карпат на равнину, оставленную татарами Ногай.

² *Мастер Маноле* – герой легенды, принесший в жертву жену для возведения собора в Арджеше. Судя по времени строительства собора, в образе мастера нашёл отражение османский зодчий Ходжа Синан (1488–1588), построивший более 300 зданий, мостов и т. д.

³ *Иляна Косынзяна* – Sânziana (от лат. Sancta Diana) – св. Диана, получившаяся из римской богини Дианы.

⁴ «Серебряный призрак» – Rolls-Royce 40/50HP Silver Ghost.

⁵ «Дед правящего короля» – Кароль I Гогенцоллерн, домнитор Валахии и Молдовы и первый король Румынии (1866–1914). Рафал Вильчур ошибся: Михай приходится Каролю внучатым племянником.

⁶ *Казино* – казино «Синая», построенное как копия казино в Монте-Карло в 1912 г.

⁷ *Стригой* – упырь.

– Это дом Кантакузинов, – ответила княгиня. – Старинного рода, считающего себя потомками византийских василевсов. Хотя, и это не тайна, его основателем был грек, дослужившийся до высоких должностей у султана Порты. Он мог даже патриархов переставлять, как шашки. Турки прозвали его Шайтан-оглу¹, сын Шайтана – за щедрость, верно. И отправили к его наречённому отцу. Сына Шайтан-оглу² – получается, внука чёрта – тоже казнили. Но кровь есть кровь: и Георге Григоре³, строитель этого «чуда», славился богатством и скупостью. Настоящий набоб. Или морой⁴, если угодно. Его сместили, когда голодные крестьяне пошли громить евреев-арендаторов.

Марта была саркастична – и тем прекрасна. Даже когда подали на стол и аббат прочёл молитву, она не преминула вставить:

– А право на кусок хлеба – это естественное право человека? Или за него следует платить потом лица своего?

(Что и говорить, я с удовольствием отведал местной кухни! В жаркую погоду в качестве своего рода аперитива оказалась превосходной чорба с телятиной и грибами на квасу, следом поел яхнию⁵, напоминающую турецкий жареный суп, закусил говяжьими мититеями⁶ – горячими, прямо с гратара, а на десерт, под сокатэ⁷, насладился папанашами – такими пончиками с шелковичным вареньем и сметаной. Воистину, после такого обеда даже окружающие горы стали светлее и гостеприимнее!)

После трапезы княгиня вручила мне манускрипт. Пожелтевший, в каплях воска.

– Известная вам организация действительно, – подчеркнула она, – просила передать этот документ вам, профессор. Не знаю, какое вы имеете к ним отношение, но их просьбы равносильны... Я лучше взгляну в мутные глаза этого Моружева⁸, чем откажу им. Его нашли в православном монастыре в Марамуреше⁹. Среди легенд, которые расска-

¹ *Шайтан-оглу* – Михаил Кантакузин (1515–1578), основатель рода; сосредоточил в своих руках управление всеми греками Османской империи, смещал и назначал митрополитов и патриархов, получил монополию на меховую торговлю с Москвой и т. д.; повешен, имущество конфисковано и распродано с аукциона; выражение «у Кантакузина на распродаже» стало османской поговоркой.

² *Сын Шайтана-оглу* – Андроник Михал-оглу Дервиш (1553–1601), пытался восстановить влияние отца, но мог лишь смещать и назначать дунайских господарей. В 1593 г. поставил на трон Михая Храброго. Похищен в Джурджу и казнён в Молдове – предположительно, по решению валиде-султан Сафие-султан её протеже Юсуф-пашой (см. «Зажигая зелёную лампу»).

³ *Георге Григоре Кантакузино* (1832 – март 1913) – крупнейший румынский магнат, премьер 1904–1907 гг. Смещён после кровавого отражения атаки восставших крестьян на Бухарест.

⁴ *Морой* – живой упырь (в отличие от *стригоя* – упыря-покойника).

⁵ *Яхния и турецкий жареный суп* – мясо и овощи, уложенные слоями в казан и потушенные (сваренные) на медленном огне.

⁶ *Мититеи* – разновидность кебаба; гратар – решётка.

⁷ *Сокатэ* – напиток из бузины.

⁸ *Михаил Моружев* (1887–1940) – «румынский Канарис». Потомок запорожских казаков. Основал и в 1925–1940 гг. возглавлял тайную полицию «Сигуранца», активно преследовал железногвардейцев. Монархист. Запутавшись в интригах иностранных разведок и политиков Румынии, был арестован и убит железногвардейцами по приказу Антонеску в ходе резни в тюрьмах в период национал-легионерского режима (сентябрь 1940 – январь 1941).

⁹ *Марамуреш* – область на севере Трансильвании и в Закарпатье; от праслав. «мёртвое море».

звала мне Баба Уца, была сказка о Сфынту Гюрге. В нём было что-то от Фэт-Фрумоса, победителя балаура, и от святого Георгия тоже. Взгляните на инициал.

Я присмотрелся. В заглавной букве было нарисовано двуногое крылатое существо.

– Это же Зилант! Зверь казанский, – прокомментировал я.

– Верю вам на слово. В той легенде некий богатырь, – продолжила пани, – приехал из степи и победил боллу – почему-то няня называла дракона по-албански, хотя нарисован как раз балаур. Болла спит весь год, но просыпается в Юрьев день и начинает... изучать мир. Пока не найдёт в нём человека. Совсем как Диоген, – ввернула она шутку. – Тогда он пожирает его и засыпает до следующего года, чтобы на двенадцатый год превратиться в Кучедру – огнедышащего дракона, что вызывает засухи и живёт человеческими жертвами, которыми засуху пытаются унять. Так вот Сфынту Гюрге взял в жёны дракона, когда тот превратился в женщину, и как-то приручил его. Вам это ничего не напоминает?

– Минутку... Заххак... Даххак, – стал вспоминать я. – Да! Аждаха! Это такой крылатый змей у степняков, который через тысячу лет превращается в Юхá – красивую девушку-оборотня. Только тюрки, татары в частности, стараются убить её в течение сорока дней после свадьбы – иначе она выпьет кровь и душу. Где-нибудь в безводном месте. Подождите! – осенило меня. – Татары! Он и к вам приходил?!

– Он? – вскинула бровь Марта. – Ах! Вы о нём! Дело в другом, – уклонилась она от ответа. – Прочтите маргиналию¹.

«Песнь брата Георга, записанная братом Манфредом в 1273 году от Рождества Господа нашего Иисуса Христа. Да хранит вас обоих Бог, братья!» – было написано рукой неизвестного схолиаста, отличной от почерка «брата Манфреда».

Я развёл руки: мне это ни о чём не говорило.

– Манфред фон Тодтнау. Рыцарь из Шварцвальда², – наклонившись ко мне (с блеском в глазах!) и понизив голос, сказала княгиня. – В 1244 году он штурмовал Монсегюр³. Что-то с ним случилось, и он уехал на восток. В Венгрию. Защищать ципзерских немцев⁴ от татар. Он – сооснователь братства, которое разрослось в эту... организацию. В *J.I.*

– Сооснователь? А второй?

Она еле заметно кивнула на манускрипт.

– Расскажите о нём, – попросил я.

– О Гюрге?

– Да. Что ещё было в легенде?

– Он появился ещё до Чёрного воеводы⁵. Странствовал на вороном коне с белым в поводу. Приезжал в деревню и ехал верхом на кладбище, переступая могилы. Так искал стригоев: если какую могилу конь отказывался переступить – значит, в ней упырь. Потом женился

¹ *Маргиналии* – пояснения на полях рукописи; схолиаст – человек, оставивший схолию, пояснение. Например: автор данных комментариев является схолиастом, оставляющим маргиналии к тексту профессора Вильчура.

² *Шварцвальд* – «Чёрный лес» в Швабии.

³ *Монсегюр* – последняя крепость еретиков-альбигойцев.

⁴ *Ципзерские немцы* – немцы, переселившиеся в Марамуреш на земли, опустевшие после Великого Западного похода Батые в 1241–1242 гг.

⁵ *Чёрный воевода* – см. Негру Водэ.

на красавице. Когда крестьяне опознали в ней демоницу – по гибкому телу и любви расчёсываться у воды, – обложили избу своих защитников поленьями и подожгли. Тогда Кучедра превратилась в дракона и унесла мужа на восход. В двух словах так.

– Хорошо... И что я должен с ним делать? – взглянул я на документ.

– Что – не знаю, но что должны – несомненно, – улыбнулась Марта. – Возможно, дело в вашей статье о моей прапра-, много раз пра-бабушке, в честь которой я получила второе имя – Лючия. Вы наверняка осведомлены, что я происхожу из дома Маврокордато, но не о том, что наш великий предок Александр¹ был сыном Локсандры Скарлату², дочери Люции, – удивила меня княгиня. – И в той статье вы сделали вывод, помните: «чем позже начато движение в будущее, тем большей крови оно потребует»? Да, вы как будто угадываете веяния времени, всеобщее желание крови, потаённую ненависть... Но может, вам предложат пересмотреть свои взгляды? Может, вы – та соломинка, которая способна склонить весы истории к войне или к миру?

Дальнейшая дорога для меня была как в тумане – таком же, какой окутывал эти горы и леса после дождя. Мы мчались серебряной пулей через городки и перевалы, по ночам мне чудился всадник на белом коне в сопровождении то ли чёрной лошади, то ли летучей мыши – должно быть, выльвы³, как называют подобных духов здесь; не ко времени вспоминался Влад Дракула (к счастью, княгиня сказала, что стригои опасны только от Дня святой Люсии до Рождества). В Марамуреше я даже посетил православный храм, деревянный: на всякий случай. Даже подумал, какое счастье – верить простой верой и каждый день лицеизреть такую красивую службу (однако отстоять её полностью я не смог).

Мы вели какие-то беседы, содержание которых помнится смутно – мной словно манипулировали, втягивая в интриги стратегического характера. Может, г-жа Бибеску играет видную роль в ордене и хочет каким-то образом укрепить своё положение в организации? Вполне вероятно, учитывая её связи – от аристократии до социалистов и от писателей до диктаторов⁴.

Как бы то ни было, никоим образом повлиять на события я был не в состоянии, а потому принялся за работу. В конце концов, если не знаешь, что делать – делай, что знаешь.

К Хусту, городку в русинском Подкарпатье, черновик был готов. Княгиня внесла в него кое-какие исправления и в целом одобрила.

– Не думайте обо мне скверно, – предупредила она. – Мы, аристократия, вымираем. Наш последний блеск превратился в грязь в полях Великой бойни. Сейчас мы – блик от разбитого стекла на нейтральной

¹ Александр Маврокордато (1636–1709) – великий драгоман Дивана империи, возглавлял османский МИД в период Великой турецкой войны (1683–1699), а также занимал пост великого логофета (посредника) между правительством Блистательной Порты и патриархом; сделал многое для улучшения положения христиан.

² Локсандра Скарлату (1605–1684) – интеллектуалка, основательница первого греческого литературного салона в Османской империи.

³ Выльвы – румынские духи женского пола, защищающие родники, копи, бедняков, руины крепостей, дни недели и т. д.

⁴ ...от аристократии до социалистов и от писателей до диктаторов – среди поклонников и друзей Марты Бибеску были М. Горький, Р. М. Рильке, испанский король Альфонсо XIII, Муссолини, Жан Кокто, чета Рузвельт, Экзюпери, Черчилль и многие другие.

полосе между мировыми войнами. А после следующей – сольемся до неразличимости с набобами и нуворишами. С новой «аристократией» из парвеню¹. Потому мы заигрываем с огнём: кокаинисты, авиаторы, идеологи. Недаром мой муж любит скорость больше, чем своих содержанок. Приходит другое время – время людей, способных держать молот и винтовку. А вы, Вильчур, вы взяли бы в руки винтовку?

Я мог бы ответить «да». Каким бы сибаритом и гурманом я ни казался, мои руки помнят не только скальпель. Но искренняя надежда, что делать этого не придётся, сомкнула мои уста.

Вечером она уехала на поезде в Будапешт, подарив на прощание перстень с рубином, инкрустированным крестом из белого золота («Он откроет вам многие двери»), и оставив машину с водителем, которая должна была доставить меня домой. *Автомобиль казался серым, водитель – манекеном, а сноп лучей из фар – чёрным.* Должно быть, от дорожной пыли.

Дом, милый дом! Здесь, под тихий стук настенных часов, я оформил окончательно статью, разыскав в венгерских и семиградских² хрониках сведения о сооснователях, которую, с вашего позволения, процитирую с сокращениями:

КОНЦЕПЦИЯ «ТАТАРСКОСТИ» В ПЕСНЕ ГЕОРГИЯ ТРАНСИЛЬВАНСКОГО.

...Прежде всего позвольте выразить признательность Анеле Прушинской за помощь в поэтическом переводе песни с латинского на польский язык.

...Нам немного известно о личности Георгия. Исходя из приписки: «В год чёрного водного кота, где-то между Туна-иделем и Узеу», – сделанной, по всей видимости, с его слов, мы можем предположить, что Георгий был человеком степного происхождения, условно «татаринном», отставшим от войска Бату-хана, когда то возвращалось из Западного похода 1235–1243 годов, и прошедшим все сражения от Булгара до Австрии (если верить Манфреду, о ком ниже). На это указывает год чёрного водного кота, соответствующий 1243 году по европейскому летоисчислению. Туна-идель и Узеу в глоссе – это соответственно реки Дунай и Днепр. Однако, возможно, Гюрге был оставлен вместе с «расквартированным» в этой части Степи туменом (тем более что Валахия, Болгария и Сербия некоторое время были данниками Золотой Орды – особенно при Ногае³, чья ставка располагалась на Дунае).

По неопределённым причинам он покинул валашские степи и уехал за Карпаты, где крестился в православие под вышеназванным именем (вероятно,

¹ *Парвеню* (фр. *parvenu*) – «выскачка», добившийся успеха и вошедший в аристократию, подражающий ей в манерах.

² *Семиградье* (*Siebenbürgen*) – семь городов немецкой Трансильвании: Германштадт (Сибиу), Кронштадт (Брашов), Клаузенбург (Клуж) и др. В Союзе трёх наций, правившем Трансильванией в Новое время на основе сегрегации румынского православного крестьянского большинства, бюргеры-немцы подчинялись землевладельцам-венграм и секеям (привилегированной группе мадьяр неугорского происхождения, дольше всех сохранявшей кочевые традиции).

³ *Ногай* – темник, внук седьмого сына Джучи, фактический правитель западной части Орды в 1266–1300 гг. В 1273 г. Ногай женился на Ефросинии, дочери императора Михаила Палеолога, и тем самым как бы получил «международное признание» как владетельный государь, а не «чиновник» хана. Ногай держал под контролем соседние государства Венгрию, Польшу, Сербию, Болгарию и южнорусские княжества.

из-за созвучия с его родным именем Гюрге, означающим «волк» по-огузски¹) и стал странствующим монахом-воином, в чём-то подобным госпитальерам или тевтонам.

Другое имя, фигурирующее в манускрипте, – Манфред фон Тодтнау. Он принимал участие в бескровном (sic!) Шестом крестовом походе² под началом «чуда мира» Фридриха Гогенштауфена³, а после – в кровавом крестовом походе в Южную Францию. Как писал сам Манфред в *Confessiones*⁴, оба раза он вступал в конфликт со своей совестью: в Палестине потому, что его император находился под отлучением (а это разрушало саму идею крестового похода как способа искупления грехов и примирения с Церковью), а в Лангедоке – по причине чрезмерного цинизма крестоносцев. Правда, доминиканская инквизиция заявляла, что главную роль сыграла женщина – внучка сеньора Монсегора Эсклармонда, «Свет мира». Но, во-первых, этот документ позднего периода, а во-вторых, в Ватикане известна конкуренция двух организаций. Как бы то ни было, летом 1244 года фон Тодтнау уехал к оставшимся в Трансильвании братьям Тевтонского ордена «помогать, исцелять и защищать»⁵ Землю Барца⁶ от гуннов (то есть монголов).

Где-то там и произошла встреча Манфреда и Георгия. Как гласит румынская легенда о Сфынту Гюрге, они бились три дня и три ночи так, что раскололись горы – при этом указывают на теснины рек Олт и Яломица, прорывающихся через Южные Карпаты. Поняв, что Господь на стороне обоих, они прекратили поединок и восхвалили Иисуса Христа. Любопытно, что Манфред тоже характеризует встречу как ордалию, божий поединок.

Забегая вперёд, отметим, что для основанного ими впоследствии нового ордена место встречи и битвы приобрело глубокое символическое значение. В 1429 году, когда братство набрало существенный политический вес (хотя ещё не было признано Римом), оно инициировало всеевропейский съезд в Луцке⁷, на котором отдельным вопросом стояла турецкая угроза. Тогда удалось привлечь германских рыцарей для защиты Барцланда, однако через три года они все пали в сражении.

¹ *Огузы* – тюркский народ, предок торков, берендеев, чёрных клобуков, туркмен, турок, части печенегов, татар, казахов, башкир и т. д. Исторические государства: держава огузского ябгу в Западном Казахстане (750–1050 гг.), держава Сельджукидов, Османская империя.

² Шестой крестовый поход (1228–1229) прошёл без сражений: Фридриху II дипломатическим путём удалось восстановить христианский контроль над Иерусалимом на 15 лет – последние годы, когда христиане владели святым городом.

³ «Чудо мира» (*лат. stupor mundi*) – император Священной Римской империи Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250, правил с 1212 г.) сделал свой двор центром науки и поэзии, издал первый в Средневековье светский юридический кодекс и пр. По легенде, должен вернуться, чтобы реформировать церковь и установить на земле мир и справедливость.

⁴ *Confessiones* – (лат.) «исповедь».

⁵ «Помогать – исцелять – защищать» – девиз Тевтонского ордена («Helfen – Heilen – Wehren»).

⁶ *Земля Барца* – область вокруг Кронштадта (Брашова), бывшая центром тевтонов в 1211–1225 гг. В Трансильвании Немецкий орден оказался по приглашению короля Венгрии Андраша II для борьбы с половцами.

⁷ *Всеевропейский съезд в Луцке 1429 года* – съезд монархов для решения вопросов Восточной Европы. Присутствовали короли Венгрии и Германии, Польши, Дании, Швеции и Норвегии; татарские ханы Дона, Волги и Крыма; митрополит Киевский и всея Руси Фотий; великие князья Литвы (Витовт), Москвы (Василий Тёмный), Твери и Рязани; магистр Ливонского ордена; князь Одоевский; представители папы, Византии и Тевтонского ордена. В повестке: сдерживание Турции; коронация Витовта (т. е. повышение статуса Литвы с великого княжества до королевства); конфликт Дании и Ганзы; уния церквей; борьба с гуситами; налоговая политика и правила судоходства на Балтике; раздел Молдовы.

Так, несмотря на религиозные различия, завязалась дружба двух рыцарей – «паписта» и «схизматика». Надо полагать, в её становлении немаловажны были и опыт Манфреда в Египте и при ставке Фридриха, и терпимость, вынесенная Георгием из Степи. В память об их союзе фон Готтнау сохранил песнь, написанную товарищем по оружию. Разберём её.

(1) А мы с тобою, брат, татары.

Исходя из вышесказанного и нижеследующего, татары для Гюрге не столько этноним, сколько политоним или даже образ мышления. Что не отменяло бы его возможного происхождения из татар Восточной Степи, если бы Манфред не описал товарища как схожего с куманами (кипчаками) – то есть с менее выраженными монголоидными чертами.

(2) А лучше ехать одвукóнь.

Согласно степным обычаям, желательно иметь двух-трёх коней в дальней поездке и в набеге.

(3) К чему нам новых ханов свары?

Здесь речь, вероятно, о междоусобице в регентство Дёрегене (1242–1246), вдовы великого хана Угэдэя¹ и матери Гуюка². Последний был давним недругом Бату, и в войске чувствовалось приближение гражданской войны.

(4) Неси дрова. Зажги огонь.

Сложно сказать, о каком огне идёт речь.

(5) Война расщедрилась добычей –

(6) Не ищущай её грехом.

Певец говорит о войне как о живом существе, персонифицируемом в духе, одновременно являющемся божеством торговли. Скорее всего, речь идет о духе по имени Барын либо о Боз Курде³ – Небесном Волке. В таком случае становится понятен круг возможных грехов. Пантеизм вообще характерен для степного мировоззрения, порою одушевляющего не только объекты (горы, камни) или явления природы (гром, ветер), но и абстракции: войну, государство (причём наделяя его чертами злых духов), имя, разум.

(7) Сейчас бы к мясу – хлеб пшеничный.

Это удивляет европейца, основной пищей которого веками были крупа, зерно и овощи, тогда как о мясе он мог лишь мечтать. Для степного жителя всё было в точности наоборот.

(8) Тащи казан. Тут будет дом!

Дом начинается с очага, расположенного в центре юрты, хранильницей которого является Ут-эне, мать огня (у монголов – Отхан-галахан).

¹ Угэдэй (1186–1241) – Великий хан в 1229–1241 гг. Кроме завоевания Западной Степи, Руси и Кавказа и начала завоеваний в Анатолии, Индии и Южном Китае, организовал почтовую службу в империи, развивал дорожную сеть и проводил другие реформы.

² Гуюк – правил лишь два года (1246–1248) и не успел развязать первую в Монгольской империи войну.

³ Барын, Боз Курд – вопреки широко распространённому представлению Сульдэ – это не бог войны, а лишь одна из душ человека, его дух (в смысле, употребляемом в словосочетании «сильный духом»), либо дух рода, воплощающийся в знамени (и только в этом смысле он становится покровителем войны, которую ведёт данный конкретный род).

(9) *Втоптали в степь мадьяров гордых*

(10) *И Киев сдобрили золой.*

Здесь речь о событиях 1240–1241 годов. О золе песнь говорит не в контексте подсечно-огневого земледелия, а напоминая о степных палах, когда прошлогодняя растительность выжигается весной на огромных пространствах, чтобы дать место свежей траве.

(11) *Да не видать конца походу...*

См. комментарий к третьей строке.

(12) *Кидай кошму. Про дом наш спой!*

Когда одного из степных ханов пытались вернуть на родину, посла, отправляемого к нему, поучали: «Ему ты песен наших спой!»

(13) *А ты под Вечным Синим Небом*

Вечное Синее Небо, не имеющее зримых границ и форм, есть «тело» Тенгри-хана, высшего божества. Это обстоятельство определило лёгкое принятие тюрками и монголами буддизма, ислама или – в случае с Георгием – православия.

(14) *Лежишь, источен до костей –*

Степной обычай предписывает оставлять усопшего на поверхности земли: звери и птицы, несущие своих духов, унесут его души в свои миры. Источенность до костей говорит о том, что Ветер благосклонен к погибшему «брату», к которому обращается сказитель.

(15) *Не отогреет дева телом.*

(16) *Держи кумыс. Со мною пей!*

Кумыс имел ритуального значение и применялся для жертвоприношений благим духам. Таким образом, учитывая роль ветра (строка 14), певец уверен, что «брат» находится в верхнем мире.

(17) *Мы все – в степном пожаре травы:*

(18) *Великий хан, пастух простой.*

После грозы самая страшная стихия в степи – пожар. Сама Жизнь («жан» – и «душа», и «огонь», и «жизнь») не разбирает, кто падёт перед нею. Это подчёркивается и образом самой значимой богини – Умай: она и та, кто даёт душу-счастье («кут») ребёнку, и кто забирает эту душу у умирающего.

(19) *Других пусть славит путь кровавый,*

Как и испанцы, степняки почитали войну одним из наибольших удовольствий.

(20) *А мы пришли к себе домой!*

Здесь предстаёт простая концепция: дом – там, где я. Тем более когда дом – переносная юрта. Гюрге прямо заявляет: «Меня устраивают эти, валашские, степи, и здесь будет моя новая Татария».

[...]

...Таким образом, мы можем сформулировать концепцию «татарскости»: это одновременно и готовность взяться за оружие – не только с целью защиты родины, но и ради удовольствия, – и уважение к смерти, и стоическая любовь к той, кто даёт и забирает души, и пренебрежение властью людей, но также – стремление к простому человеческому счастью, перекрывающее всё преждеперечисленное. А для осуществления подобного нам нужна сильная и богатая держава.

Осталось добавить о судьбах братьев-сооснователей. Гюрге отправился в Орду (см. легенду о его жене-юха) и обосновался, по-видимому, в улусе Великого хана, в Китае: по крайней мере, спустя 250 лет документы ордена говорят о восстановлении связи с Востоком. Манфред агитировал рыцарей принять принципы братства, разработанные им с Георгием, сражался с пруссами под знамёнами Пржемысла Отакара¹, «короля железного и золотого», а после защищал детей своего патрона, Фридриха Гогенштауфена. Он снова, как и за четверть века до этого в случае с Эсклармондой, не смог спасти внука императора, шестнадцатилетнего Конрадина, обезглавленного по приказу Карла Анжуйского² – эта казнь шокировала Европу. Более успешны оказались его хлопоты об освобождении Беатрисы³, внучки императора, пленённой в шестилетнем возрасте и проведшей в темнице восемнадцать лет, для чего принял активное участие в подготовке Сицилийской вечерни – пасхальной резни французов. После освобождения Беатрисы его следы теряются.

Я отнёс статью в редакцию «Исторического альманаха Ягеллонского университета» и с трепетом стал ожидать решения. Когда увидел её на бумаге, пахнущую типографской краской, с моих плеч словно гора свалилась. Но праздновать в этот раз решил не в «Новороле», а в загородной корчме. Её держал один татарин, в войну попавший в плен и осевший в наших краях.

К тому же меня щедро вознаградили. Я не только о гонораре, но и о подарке небес... или не небес. Ко мне вернулась Беата. Она заметно изменилась: будто похудела, в лице появилось что-то кукольное... чуждое... Ну да бог с ней!

(Однако ела она с аппетитом, не уступающим моему. Не было никаких душевных сил разбирать оттенки вкуса, поэтому я просто заказал манты – что-то вроде колдунов на парú с рубленным фаршем, бишбармак – мелко нарезанную ягнятину с овощами, чашку крутого бульона с казиликом – колбаской из кусочков конины с жиром, плов – нечто наподобие рисовой каши с мясом, но совсем не похожее на неё по вкусу, шербет из виноградного сока с базиликом и розовой водой. К крепкому, коричневому чаю с молоком были чак-чак – какие-то шарики, залитые мёдом, закрахмаленные кубики из мёда же со специями, сушёные абрикосы, начинённые молотыми орехами и чем-то очень кислым под названием то ли «крут», то ли «курт» (конечно же, политые мёдом), наконец, просто мёд в сотах. Ах, да, ещё большой пирог с начинкой из плова – правда, сладкого, с изюмом и ещё чем-то.

Да, без аперитива и дижестива такое количество – гастрономическое самоубийство! Беата сдалась уже на плове! Зато Марыся за обе щёки уплетала сладости.)

Там, в одиноком шинке с видом на далёкие горы, сидя на веранде в кресле-качалке, затягиваясь трубкой с миндально-горьковатым турецким табаком и ощущая блаженную сытую истому во всем теле, я глядел

¹ *Пржемысл Отакар (1233–1278)* – король Чехии, герцог Австрии, основатель Кёнигсберга.

² *Карл Анжуйский (1227–1285)* – амбициозный монарх, король Неаполя, Албании, Иерусалима, князь Ахейский и пр., пытавшийся «возродить средиземноморскую Римскую империю». После Сицилийской вечерни его планы пошли прахом.

³ *Беатриса Сицилийская (1260–1307)* – провела в плену с 1266 по 1284 год; вышла замуж за маркграфа Салуццо, т. о., её потомком является Франческа Мария дель Вагго-и-Урсуа.

на коршуна, кружащего в безоблачном небе. И так же тихо, на совиных крыльях, кружилась в голове дума:

«Я не строю иллюзий по поводу будущего. Человечество стало геологической силой, как пишет Вернадский, а потому – следуя своей природе – оно лишь увеличит Сахару. В этом наш рок и, кажется, предназначение, и, кто бы ни побеждал в грядущих войнах, итог будет один: время упруго. Хотя, признаться, страшно. И хочется жить. До дурного сумасшествия, до желания целовать эту грешную землю. И крикнуть: “Иди, Польша-мать, своею дорогой!”»

Конечно, я смогу взяться за оружие. Возможно, даже смогу получить от этого удовольствие. Моральное. Но всё это потом. А сейчас... Вот воробьи купаются в пыли. Повозка бежит – ездока не видно в жёлтом море пшеницы. Где-то вдали, на поле – лошади. Жаворонок заливается. Марыся играет в салочки с сыном корчмаря...

Я хочу, чтобы вы были счастливее нас».

*Рафал Вильчур, профессор Ягеллонского университета.
Август 1930, Краков.*

Рафал Вильчур (1887 – после 1939) попал в автокатастрофу, в которой погибла его жена. Предположительно, потерял память: журналист Тадеуш Доленга-Мостович описал встречу с человеком, поразительно похожим на профессора, в сельской местности Мазовии. В любом случае он отсутствует в списках польской профессуры, ликвидированной в ходе *Intelligenzaktion*.